Лунарные мифы

лунарные мифы, распространённые (по-видимому, уже начиная с палеолита) у всех народов мира мифы, одним из главных действующих лиц которых является луна, находящаяся в тех или иных отношениях с солнцем (см. также Солярные мифы); в более широком смысле лунарные и солярные мифы включаются в разряд астральных мифов. Отношения между луной и солнцем (которые могут воплощать в различных мифологических системах и мужское, и женское начало) часто представляются либо как кровнородственные в одном (брат и сестра, иногда близнецы, как Тефнут богиня луны, сестра Шу одного из воплощений солнечного начала в египетской мифологии; Тефнут и Шу соотносятся так же, как левый и правый глаз) или разных поколениях (шумерское божество солнца Уту рождено божеством луны по имени Наина или Зуэн), либо как супружеские.

Связанный с последним представлением мотив ухаживания месяца за солнцем и их свадьбы широко распространён в индоевропейской, в частности балтийской, мифологии: после свадьбы месяц покидает солнце, за что ему мстит бог-громовержец, разрубающий его пополам. Мотив брака месяца и солнца находит типологические параллели в центральноамериканских мифах.

В некоторых сибирских (кетских, селькупских) и кавказских (абхазских) Л. м. мотив брака месяца и солнца осложняется преданием, объясняющим постепенное уменьшение (умирание) месяца. В кетском варианте западносибирского Л. м. месяц, живший на небе вместе со своей женой-солнцем, пошёл на землю посмотреть, как живут люди.

Там за ним погналась Хоседэм (злое женское мифологическое существо). Месяц, торопливо возвращающийся к солнцу, только наполовину успел войти в его чум. Солнце схватило его за одну половину, Хоседэм за другую и начали тянуть его в разные стороны, пока не разорвали пополам.

Солнце пыталось потом оживить месяц, оставшийся без левой половины и тем самым без сердца, пробовало сделать ему сердце из угля, качало его в колыбели (шаманский способ воскрешения человека, которого вызывают ко второму рождению), но всё было тщетно. Тогда солнце повелело месяцу, чтобы он светил ночью оставшейся у него

половиной.

В селькупском варианте Л. м. месяц разрывается солнцем, решившим взять его себе на небо в мужья, и старухой нижнего мира (Ылэнтой-котой). При этом солнцу досталась половина без души, и оно тщетно пыталось оживить месяц, вкладывая в него сердце светлых птиц.

Месяц на время оживал, а потом снова умирал. Не желая больше возиться с трупом месяца, солнце бросило его в небе.

В абхазском варианте младший из семи братьев (характерное сакральное число в Л. м., связанное с лунной неделей), выступающий в функции месяца, предсказывает опасности, грозящие всем им после рождения сестры-ведьмы, и предлагает убить её. Но братья не слушают его.

Он уезжает в далёкие края, где женится на солнце. Возвратившись через несколько лет, он обнаруживает, что его сестра-ведьма уничтожила всё живое в округе, кроме одной мыши. Ведьма съедает его коня и идёт точить свои зубы.

Тем временем мышь советует герою Л. м. бежать и рассказать о происшедшем его жене-солнцу. Но когда солнце приходит к нему на выручку, сестра-ведьма начинает его есть. Солнце-жена тянет месяц в одну сторону, ведьма-сестра в другую.

По решению высшего божества Анцвы с каждого полнолуния ведьма начинает есть месяц, но спустя полмесяца к нему на помощь приходит прежняя жена солнце. Этот сюжет, в основных своих чертах совпадающий в мифологии народов северо-западного Кавказа и Сибири (у енисейских народов), характеризуется наличием второго женского персонажа ведьмы, из-за вмешательства которой месяц разрывают пополам.

В балтийской и славянской мифологиях в сходном сюжете участвует не только второй женский персонаж (заря Денница, к которой после свадьбы месяц уходит от солнца), но и активный мужской персонаж бог грома, разрубающий месяц пополам. Мотив

чудовища (часто собаки или волка, у славян вурдалака), которое начинает есть месяц (чем объясняются не только его уменьшение, но и лунные затмения), характерен для многих Л. м. (нивхи считали, что луну пытается съесть собака, на ней живущая, и во время лунных затмений пытались испугать эту собаку звоном железных предметов, стреляли в неё из лука или из ружей).

Соответствующий языковый оборот со значением «луна умерла, луна убита» встречается применительно к лунному затмению в большом числе языков мира (малайско-полинезийских, древнеармянском, хеттском и др.).В дуалистических мифах противопоставление луны и солнца принадлежит к числу основных: в дагомейской мифологии Маву воплощает луну (ночь, мудрость, радость), а Лиза солнце (день, силу, труд); ср. двух демиургов Хайнэ (олицетворение месяца) и Ишоко (олицетворение солнца) у хадзапи в Танзании. В сибирских шаманских мифологиях луна связывается с ночной, тёмной, а солнце с дневной, светлой половиной мира (что отражается и в изображениях мира на шаманских бубнах, где луна обычно помещается на тёмном фоне слева от мирового дерева).

У чукчей с луной связываются кэле существа, приносящие зло людям. Сходный круг мифологических представлений имелся и в китайской мифологической традиции, связывавшей их с различием двух полярных сил, причём солнце осмыслялось как светлая и горячая сила ян, действующая как мужское, положительное и активное начало, а луна как сила инь, начало женское, пассивное, тёмное, холодное.

Типологически наиболее архаичную форму противопоставления солнца и луны можно найти в австралийских дуалистических системах, где оно выражено через равнозначное им противопоставление двух зооморфных классификаторов тотемов, соотнесённых, как и два светила, с двумя фратриями племени (например, у племён области Маккай, Квинсленд солнце аллигатор фратрия youngaroo; луна кенгуру фратрия wutaroo); в Евразии древним зооморфным символом бога луны был бык. В дальнейшем дуалистическая система может существенно разрастаться за счёт других противопоставлений, но оппозиция солнце луна обычно остаётся одной из основных, как у пангве (Габон), где с луной соотнесено зло, нечет, вода, с солнцем добро, чёт, огонь; ср. также соответствующие представления в индийской мифологии, отражённые в «Бхагавадгите» (VIII 24, 25).В мифологическом противопоставлении луна солнце первый член чаще всего оказывается отрицательным, что связано с меньшей ролью божества луны по сравнению с божеством солнца в развитых мифологиях (например, в мифах Египта).

В таких мифологиях луна оказывается значительно менее ловкой и увёртливой, чем солнце (этим у абхазов объясняется появление на ней пятен). Согласно бушменскому мифу, солнце и луна соперники. Луна убегает от солнца, которое режет её ножами лучами.

От луны остаётся только один хребет, и она просит пощадить её. Солнце соглашается, луна уходит к себе и начинает снова расти. Затем бегство луны, преследуемой солнцем, повторяется.

Другого рода соотношение между лунарными и солярными мифами характерно для таких изолированных ареалов, как северо-западное побережье Южной Америки, где (в Пакасмайо и других прибрежных долинах) месяц почитался в качестве основного божества, управляющего стихиями, определяющего движения моря, насылающего гром и молнию. По представлениям индейцев этих областей, большая сила месяца по сравнению с солнцем сказывается уже в том, что месяц может светить и днём и ночью (причём он может затмевать солнце, а солнце его затмить не может).

Поэтому солнечные затмения праздновались как победа месяца над солнцем, тогда как лунные затмения воспринимались как печальные события, которые надо оплакивать. Считалось, что на двое суток (во время новолуния) месяц отправляется в потусторонний мир, чтобы наказывать там мёртвых преступников.

Отзвуки характерного для обитателей древнего Перу культа месяца исследователи усматривают и в цикле мифов о Пачакамаке (на языке кечуа «создатель») сыне солнца и месяца. Отчасти сходные с южноамериканскими представления известны у батаков (на Суматре) и семангов (в Малайе), согласно которым луна хитростью заставила солнце проглотить своих детей маленькие солнца, собиравшихся сжечь землю.В древних центральноамериканских мифах два бога должны были сгореть для того, чтобы превратиться в месяц и солнце.

Сходный мотив полусгоревший предмет, становящийся луной, известен в бушменском Л. м. (см. в статье Бушменов мифология). У некоторых народов Судана распространён тотемический миф о превращении в месяц барана, пойманного и запертого в доме за то, что он повадился воровать зерно сорго.

Когда старики племени увидели, что после поимки барана стало темно, они посоветовали отпустить его на волю. Освобождённый от привязи баран подпрыгнул высоко вверх и превратился в месяц.

Известны также мифы о происхождении луны (и солнца) из частей тела (чаще всего из левого и правого глаза) мифологического первосущества (китайского Пань-гу, индийского Пуруши и т. п.). Особняком стоят представления о происхождении луны в Шумере, где предполагалось, что она возникает из той же субстанции, что и воздух (скорее преднаучный, чем мифологический мотив).У большинства народов мира есть особые Л. м., объясняющие возникновение пятен на луне, чаще всего тем, что там находится особый человек («лунный человек» «ирий хасава» у ненцев; «лунная женщина-сплетница» «ралк умгу», идущая по воду с коромыслом и вёдрами, у нивхов; сходное представление известно у татар в Западной Сибири, рассказывающих, что женщина была много лет назад за дурное поведение отправлена богами с полными вёдрами воды на луну, откуда она с тоской смотрит на землю).Божеству луны многие народы придают особое значение, считая, что оно даёт необходимые элементы для всего живого (как «луна-мать» «Кичеда-нямы» у нганасан).

У айнов существовал обычай во время полнолуния обращаться к божеству луны с подношениями, так как в это время оно благосклонно и весело: в другое время, когда месяц уменьшается, божество плачет и не слышит молитв.Сопоставление лунарных знаков палеолитического искусства и наиболее архаических Л. м. позволяет (пока еще в очень гипотетической форме) наметить вероятный путь развития Л. м. от представления о месяце как воплощении мужского начала в зооморфном коде (бык и др.) к значительно более поздним представлениям, согласно которым луна выступает в качестве женского персонажа, иногда второстепенного. Обращает на себя внимание постепенное уменьшение значимости Л. м. В развитых обществах при сохранении значимости луны как мифологического символа, используемого при гаданиях, в магических обрядах и т. п. (традиция, продолженная в европейском искусстве от романтизма и постромантизма, вплоть до символизма; ср. персонифицированный образ луны у А. Блока: «Выйдет месяц небесный Пьеро, встанет красный паяц на юру»).

Литература :

Джанашиа Н. С., Статьи по этнографии Абхазии, Сухуми, 1960;
Бадер О. Н., Элементы культа светил в палеолите, в кн.: Древняя Русь и славяне, М., 1978, с. 40 46;
Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера, Л., 1976;
Fox H. M., Selene, or Sex and the moon, L., 1928;
Hentze C., Mythes et symboles lunaires, Anvers, 1932;
La lune. Mythes et rites, P., 1962 (Sources orientales, 5).